

Новая земля

Соб. Ул. 17 окт 37г.

С. М. Михоэлс
НАРОДНЫЙ АРТИСТ РЕСПУБЛИКИ

Век нынешний, начавшийся 25 октября 1917 года, с веком минувшим в отношении актерского быта, актерского самочувствия не поддается никакому сравнению. Но сравнивать нужно—эти сравнения чрезвычайно поучительны для нас.

Великий национальный еврейский писатель Шолом Алейхем, изображавший все стороны жизни своего народа, не мог пройти мимо и такой чрезвычайно своеобразной темы, как театр. Быт еврейских актеров в дореволюционной России (и не только России) описан Шолом Алейхем в романе «Блуждающие звезды». Сюжет его — мелодраматическая история несчастной любви двух юных актерских сердец. Но, по существу, это обобщенная картина, рисующая все «творческие», производственные и бытовые условия жизни еврейской актерской среды в царской России.

Сама профессия еврейского актера была профессией презренной. Еврейский актер носил на себе какое-то позорное клеймо. Он был беспризорным кочевником, скитальцем до самой старости, не имевшим своего собственного угла. От своего «потребителя»-зрителя он был полностью изолирован. Актера со зрительным залом связывали взаимные чувства крайнего неуважения и недоверия, разделяла их раampa, которая была не только линией, условно отделяющей сценическую площадку от зрительного зала, но подлинной китайской стеной, отгораживавшей мир актера от зрителя. Этим зрителем был еврейский мещанин, лавочник, представитель средней и мелкой буржуазии. Это был зритель чрезвычайно некультурный, с ничтожными художественными интересами. Он приходил в театр попотогать, послушать песенку, иногда пролить слезу над мелодраматической судьбой какой-нибудь несчастной сиротки.

Если актера приглашали в гости (что бывало чрезвычайно редко), то от него обычно наспех пряталось все ценное, что было в комнате. Актер был отщепенцем, изгоем, представителем профессии зазорной.

Мало-помалу в актерском быту вырабатывалась целая система привычек, наваждавших резкий отпечаток на всю жизнь актера, на его самочувствие, не только на сцене, но и за кулисами, в товарищеском кругу, в домашнем окружении. Со времен средневековья, кажется, актеры ни одной национальности не пользовались своим условным актерским языком. Актеры старого дореволюционного еврейского театра изобрели собственный «блатной» профес-

сиональный жаргон и на нем изъяснялись в присутствии посторонних людей. Этот язык создавал «дополнительную» стену между еврейским актером и тем, кому он служил. Разговаривая между собой, актеры называли зрителя всегда неприличным, нецензурным словом. Зритель знал, в свою очередь, не актеров а только «комедиантов».

Юридически и официально еврейского театра в самодержавной России вообще не существовало. Существовали, кочуя из города в город, из местечка в местечко, по всей «черте оседлости» нелепые убожки, называвшиеся «еврейско-немецкими труппами». Обязаны были эти труппы играть на «чистом немецком» языке. Судить о чистоте этого языка призваны были урядники, приставы, участковые надзиратели и прочие представители полицейской администрации, смотревшие, естественно, на эти «еврейско-немецкие труппы» как на один из многочисленных источников поборов и взяток.

За более или менее приличную мзду эти «высококвалифицированные» эксперты и судьи устанавливали, что язык, на котором разыгрывается, скажем, водеvilная эпопея о Сарре Шейндл, едущей в Америку или из Америки, есть действительно язык Гете и Гейне.

Сценический язык еврейского актера уродовался. Увидев в публике насунившегося физиономии полицейского чиновника, сидящего в креслах первого ряда партера, актеры неожиданно для зрительного зала вдруг начинали изъясняться на совершенно нелепым и никому непонятном диалекте, долженствовавшем изображать «немецкий язык».

Не было у еврейского актера и стационарных площадок. На всем огромном протяжении России не существовало до революции ни одного еврейского театрального здания. Кочевали, бродяжили всю жизнь еврейские актеры, среди которых было немало подлинных талантов, горевших в своей работе настоящим актерским пафосом.

Достаточно вспомнить все эти обстоятельства актерского существования в царской России, чтобы понять, как резко изменился уклад жизни еврейского актера с победой социалистической революции. Экономическая и организационная база еврейского театра, моральные и культурно-политические самочувствие актера ничем не напоминают того, что было еще 20 лет назад. Мы, совре-

менные советские еврейские актеры, работаем на иной земле, совершенно отличной от той, на которой развевывалась судьба шолом-алеихемовских персонажей. Мы работаем и творим как бы на иной, новой планете...

Теперь в самом сердце страны Советов, в Москве, находится постоянное стационарное помещение Московского государственного еврейского театра. В составе его стабильной труппы—ряд заслуженных и отмеченных всеобщим общественным признанием талантливых актеров и актрис. Государство и общественность уделяют повседневно огромное внимание нашей работе, нашему творческому труду. Театр растет и крепнет как полноправный член многонациональной семьи советских передовых театров.

После огромного, многовекового перерыва еврейский народ впервые нашел новую, свою государственность—он строит сейчас, при самой деятельной поддержке всех народов нашего великого Союза, еврейскую автономную область в Виробиджане. Впервые после двухтысячелетнего перерыва появились евреи, трудящиеся на земле. Они принимают активное участие не только в строительстве социалистической жизни в Виробиджане, но и по всей Советской стране.

Зрителем еврейского театра уже больше не является некультурный мещанин. В зрительный зал нашего театра пришел новый зритель—трудящийся еврей. Он не отделен от еврейского актера китайской стеной непонимания и презрения. Наоборот, и актер, и зритель объединены единым стремлением активно участвовать в строительстве социализма в нашей стране.

Когда актер дореволюционного еврейского театра старел, он говорил:

— Я купил себе кровать, ухажу из театра. Это означало, что он перестает бродяжить и обзаводится собственным нижним углом. Ныне работа об удовлетворении личных бытовых, экономических и культурных потребностей уже не беспокоит актера. Он знает, что является полноправным членом семьи трудящихся родной страны и что в старости о нем позаботится государство.

Когда думаешь обо всем этом, начинаешь по-новому понимать, как почетно звание актера советского театра—русского, еврейского, татарского и других народов, — какое счастье быть советским гражданином. С чувством гордости за свою страну, за свою эпоху мы пойдем 12 декабря на выборы в Верховный Совет нашей социалистической родины.